

18+

ДНЕВНИК
 ученика 1 "А" класса
476 школы
Москва (города, села)
Ленинского (района) (края, обл., АССР)
Александрова (фамилия и имя)
 на 1971/72 учебный год
 для III - X классов

**ТЕРЕНТИЙ
 РАВНИКЪ**

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ

СВЕДЕНИЯ ОБ УСПЕВАЕМОСТИ И ПОВЕДЕНИИ УЧЕНИКА
 за 1971/72 учебный год

НАЗВАНИЕ ПРЕДМЕТОВ	Оценки (отметки) успеваемости по четвертям				Средняя оценка по предмету	Оценки, полученные за выполнение домашних заданий	Итого
	I	II	III	IV			
Русский язык	5	5	4	4	4		
Литература	5	5	4	4	4		
Родной язык	5	5	4	5	5		
Родная литература	5	5	5	5	5		
Арифметика							
Алгебра							
Геометрия							
История							
Обществоведение							
География							
Физика							
Астрономия							
Химия	5	4	4	4	4,4		44
Биология	5	4	5	5	5		5
Черчение							
Иностранный язык (какой)							
Физическое воспитание							
Физическая политехническая подготовка	5	5	5	5	5		5
Трудовая политехническая подготовка	5	5	5	5	5		5
Начальная военная подготовка							
Изобразительное искусство							
Пение							
Поведение							
Число уроков							
Из них пропущено							
Количество опозданий на уроки							
Подпись классного руководителя							
Подпись родителей							
ИТОГИ ГОДА: переведен в следующую класс, оставлен на второй год, исключен, выпущен и т. д.							

Преведен
 40
 49
 60 2 класс
 27

Терентій Травнікъ

Домашнее задание.
Современная публицистика

«Издательские решения»

Травнікъ Т.

Домашнее задание. Современная публицистика / Т. Травнікъ —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517648-6

В новой книге российского писателя-публициста и поэта Терентия Травника «Домашнее задание» собраны статьи, эссе и очерки, написанные им за последнее время, широко освещающие не только положение в современном мире, но и в нашей стране. Часть материала традиционно посвящена теме человека, его духовным и нравственным поискам. Книга рассчитана на глубокого и вдумчивого читателя.

ISBN 978-5-00-517648-6

© Травнікъ Т.
© Издательские решения

Содержание

Ещё с детства	6
Надо учиться	7
Было бы правильным...	8
Зелёный и оранжевый	9
Надо жить дальше. Кто следующий?	10
Важное уточнение	11
Претерпевший до конца	12
Чётко, ясно, но непонятно	13
До тех пор	14
Некий богач	15
Таково ремесло	16
Три ключа	17
О чистоте в поэзии	18
Цифровая гремучая смесь	19
Бита ли карта?	20
Первоиюньское слово ко Дню защиты детей	21
Эта детская фотография...	22
Плохо человеку быть одному	23
Когда лучшее – не враг хорошего	24
Боль, но сказано	27
Ставь чайк!	28
Эти песни запекает молодёжь	29
Меньше, чем на шаг	30
Современный профурыканизм	31
О скучном	32
Антинаивное	33
Свободна ли свобода слова?	34
Четыре	35
Ещё раз о хорошем	36
Суть вещей	37
Благо бысть есть	38
Крупницы опыта: советы от неохоты	39
Вероятно и очевидно	40
Есть такая трава – заманиха	41
О действии с продолжением	42
Обратная перспектива	43
Четвёртое решение	44
Бродяги и поэты	45
Пока мы едины	46
Вход через выход	48
Не совсем пустые хлопоты	49
Разумная эквилибристика	50
О сотворении жизни	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Домашнее задание Современная публицистика

Терентій Травнікь

© Терентій Травнікь, 2020

ISBN 978-5-0051-7648-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ещё с детства

Ещё с детства я понимал, что больше всего меня привлекает творчество. Думаю, что я и родился именно для этого. Мне важно и интересно, как из ничего получается всё. Я не могу просто радоваться жизни и наслаждаться ею, если не создаю в этот момент что—то новое. Слава Богу, у меня не было творческих застоев и депрессий, а единственное, чего всегда не хватало, так это сил, поэтому приходилось делать в разы меньше того, на что был способен в своих идеях и замыслах. Позже я научился смиряться с этим, полагая, что Богу виднее. С этого времени всё встало на свои места: я просто перестал приписывать себе то, что делал, полагая, что я просто исполняю Его желания, в конце концов я – Его раб, и этим всё сказано.

Надо учиться

Надо научиться, живя среди людей, жить для них. Это действительно очень непростое искусство, но по—другому жить невозможно. Живя иначе, ты не сможешь постичь смысл своего прихода на эту землю, ты просто просуществуешь. Пытаясь учиться жить для людей, я прежде всего решил для себя, что всякий, кто приходит ко мне, кто входит в мою жизнь – входит не просто так, а послан Богом для моего же блага, чего бы он при этом ни вытворял. Происходящее просто надо было принимать, что я и делал. Сегодня принятие стало одним из фундаментов моего мировоззрения, и я понимаю, что с решением не ошибся.

Было бы правильным...

У меня нет сожаления о том, что покинул мастерскую художника, как и о том, что сегодня нахожусь не в музыкальной студии. Все мое время, а мое я использовал на все сто. Ныне я в литературе, и меня это устраивает: мне есть, что сказать, и у меня это получается. Иногда я сам себя спрашиваю: а что ты будешь делать, когда закончится твоя литературная деятельность? И сам себе отвечаю: она не закончится, просто я уйду раньше... И это будет правильно.

Зелёный и оранжевый

Мне всегда очень нравился зеленый цвет. Он у меня ассоциировался с любовью, жизнью, здоровьем, терпением и надеждой. Всё это я видел и принимал с приходом весны, а летом я просто им переполнялся. В моем московском кабинете южная стена – белая, а северная – зелёная, подобно северной части ствола дерева, покрытого мхом. Соединение двух оттенков позволяет мне заниматься лекарьством: в своё время я услышал потребность своей души относительно цветов, и это заключалось в наличии зелёного, оранжевого, серого, чёрного и белого: всего пять цветов. Чёрный – под ногами, белый – над головой, серый – перед глазами, зелёный – слева, справа – оранжевый, а сзади – прозрачный: есть и такой цвет. Прозрачный – это цвет жертвенного отречения, когда всё, что ты делаешь, ты делаешь во имя и во славу Бога. Для меня Бог – это все люди сразу, а потому, делая что—то для Господа и любя Его, ты любишь сразу всех и заботишься обо всех сразу. Иногда Бог подходит совсем близко в виде родного и любимого для тебя человека, и тогда ты можешь к Нему прикоснуться.

Надо жить дальше. Кто следующий?

Шумиха, суматоха, навязанная паника сделали относительно ковида то, что было необходимо. Напуганный народ отсидел полтора месяца дома, дав государству возможность переоснастить медицину, построить больницы военного типа, морги и крематории, призвать студентов-медиков пятых курсов на фронт и принять важные стратегические решения. Так поступили все страны и не дали вступить в силу хаосу и коллапсу. Сапёры сделали, что могли, а теперь всем нам предлагается перейти поле, где остались мины. Теперь начинается война – самый сложный период для всех. Невидимый враг затаился даже в весенней пылице. Увы, но этот вирус заберёт всех, кого сможет забрать. Просто есть реальности, против которых человечество пока бессильно. Одна из них – вирус. Это иной мир. Он забирал колоссальное количество людей во все времена. Такова жизнь. Правительство сделало все, что могло, сделало много и достойно, потратив колоссальные средства. Дальше, если возникнет сильнейший рост заболевания, то с большой долей вероятности будет введён режим ЧС, карточная система на продовольствие и крайне жёсткие меры. А сейчас пусть люди работают, болеют, умирают, лечатся. Постепенно все сойдёт на нет, а там и естественная ремиссия придёт, наберёт силу коллективный иммунитет. Так будет, пока вирус не поменяет штамм и не вернётся на поля за своей едой, то есть к людям. Но учёные уже ищут вакцину от следующего штамма, а там – как Бог даст.

Ещё до эпидемии коронавируса человечество охватила пандемия гордыни, основным симптомом которой на этот раз стало обвинение всех и вся в причинах своих неудач и бед. Поражённый новым вирусом гордыни-19 страдает повышенной обидчивостью и болезненно выражаемым недовольством ко всему, что, на его взгляд, расходится с его личным пониманием картины мира. Заболевший, как правило, самоизолируется от объектов своего раздражения, но ищет понимания и сочувствия со стороны родственников и друзей, продолжая, вопреки здравому смыслу, испытывать резкое, навязчивое чувство раздражения по отношению к тем, кого считает обидчиками.

Важное уточнение

Есть только одно оправдание для всякого стихосложения, а потому если ты пишешь стихи лишь от того, что тебе попросту нечем заняться или потому, что хоть как-то, но хочешь дать знать, а тем более выделиться в своём окружении; если пишешь стихи, потому как пытаешься таким образом самовыражаться, а может, потому, что кто—то тебя об этом просит или кому-то нравится написанное тобой, то ты попусту теряешь время. Ничто из перечисленного выше не является основанием, чтобы заниматься поэзией серьёзно.

Претерпевший до конца

...спасётся. И нет сомнений в истинности этих слов. И все же меня всегда удивляло отношение христианских святых к тем, кто их убивал. Даже имея возможность дать отпор, они почти никогда не пытались пресечь действия своих палачей. А ведь так же вёл себя и Христос! Но если у Спасителя было твёрдое знание, что Ему надлежит быть убитым, а на третий день воскреснуть, о чем Он открыто говорил, то у его последователей не было этого знания – была только вера в своё воскресение, а в сердце жила та самая любовь к врагам, которую утверждал наш Господь, умирая на Кресте. Видимо, именно это и не позволяло святым давать отпор мучителям, чтобы сохранить себе жизнь. И по сей день такое поведение христианина является причиной неясности в оценке того, что касается защиты собственной жизни. И что говорить тогда о крестовых походах, сам факт наличия которых в мировой истории разделил христианство на истинное и ложное.

Так можно все-таки или нет христианину убивать? Христос был категоричен, говоря, что нет и ни при каких обстоятельствах. Подтверждая истинность своих слов, Спаситель, умирая на Кресте, прерывал бесконечную цепь зла, творящегося на земле, потому как всякий, подставивший щеку, не становится продолжателем зла, и зло останавливается на том, кто проявил агрессию первым, и потому остаётся ему только раскаяться, иначе ждут его муки невыносимые, к тому же – вечные. Как оказалось, раскаяться по-настоящему так же сложно, как и уверовать. Может, именно поэтому Христос, зная это, и старался всячески призвать не пользоваться никаким оружием, а только лишь молиться за врагов. Это подтверждается словами Евангелия: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Матф.5:43—45). Спаситель указывал, что только всепрощающая, бескорыстная любовь, направленная к злодеям и врагам, является единственно правильным путём служения Богу. Своим непротивлением злу святые проявляли именно такую любовь, веря в то, что она может вразумить врагов и гонителей, но те чаще всего ничего не чувствовали, разве что удивлялись подобным действиям. Впрочем, это не столь важно – главное здесь другое, а именно то, что подобное смирение и духа, и плоти выделяет христианство над любыми известными и до, и после распятия Христа формами религиозного опыта. По сути только христианство, если следовать Христу во всем и до конца, ведёт к добровольной смерти во имя бессмертия, ведёт без каких-либо доказательств, опираясь лишь на веру. И человек, пусть не всякий, это принимает. Может, наивысшее в учении Христа в том и проявляется, что оно способно непостижимым образом трансформировать личность, минуя всякое здравомыслие и объективные научные взгляды.

И все-таки логика во всем этом есть, потому как Писание учит: «Не говори: отомщу врагу за то, что обидел меня, но потерпи, да отомстит за тебя Господь и наведёт отмщение на обижающего тебя». А что касается недопустимости всякого вооружённого действия со стороны христианина, будь то защита или нападение, для меня это и по сей день остаётся неясным. И всё же если отбросить разного рода умные доводы и просто прислушаться к сердцу, то начинаешь осознавать: всякое агрессивное поведение с твоей стороны становится для тебя абсолютно недопустимым. Таков путь на Голгофу.

Чётко, ясно, но непонятно

Пожалуй, самая главная загвоздка всякой текущей общественной ситуации заключается в элементарном неумении власть имеющих говорить с народом. Удивительно, как у многих из этих людей, абсолютно косноязычных, получается дослужиться до таких высот при том, что они и двух слов связать не умеют. Редко, но встречаются умеющие говорить так, что, услышав их, люди даже на смерть идут с удивительной самоотверженностью ми и спокойствием. Но в большинстве своём эти якобы лидеры самые простые вещи преподносят так, что и жить, как говорится, не хочется: сплошной сумбур, неясность и противоречия в их словах. Постоянно путаются, что—то не договаривают или же чеканно-монотонно зачитывают с мониторов текст. Иногда такое чтение настолько неестественно, что хочется, дослушав чтеца, спросить: а сам-то он понял, что сказал, да и вообще, сам-то он что думает по этому поводу?

Если человеку приходится говорить о том, чего он и сам толком не знает, на то есть приём, который позволяет сделать это на отлично. Прежде всего скажу, что говорить в этом случае надо, ибо молчание здесь абсолютно не件зно. А теперь: как говорить? Так вот, говорить надо много об одном и том же, но всё время несколько по-разному, что, собственно, и делают все СМИ. Главное, чтобы у населения не сложилось какой-либо чёткой картины происходящего. Чем больше будет допущено неточностей, тем более управляемым будет народ. Именно таким образом и понижается тонус народной воли, гаснет его социальная динамика. Активная говорильня вызывает у народа ощущение присутствующих в его жизни гласности и демократии, а неточности не дают этому самому народу сконцентрироваться, держа его в постоянном режиме стада (управляемого стада).

До тех пор

До тех пор, пока общество будет ориентировано на капиталистическое, по сути, хуторское мышление, на сознание единоличного, частного собственности, оно не сможет успешно справляться ни с пандемиями, ни с глобальными катастрофами, ни с чем—то таким, где необходимо иное, не сегментированное мышление, необходима единая база общего накопления. И альтернатива существует только одна – социализм как более высокая эволюционная ступень развития человечества. Россия царская проиграла и первую мировую, и революцию только потому, что была капиталистической. Россия советская победила фашизм, будучи социалистической. Перестройка – это всего лишь встряска, но дальше нужен только социализм: именно к нему и должно стремиться общество.

Некий богач

Некий богач, попав в условия тотальной эпидемии, всенародно заявил, что он себя обезопасил, а остальные мол, пусть что хотят, то и делают. Прошло время, и он оказался в одиночестве, а его страна и его город были завалены бесхозными мертвецами. Это и стало полным и окончательным поражением капитализма на карте всеобщей мировой истории.

Таково ремесло

В бытность моей работы психологом как-то раз ко мне на приём пришёл человек и стал жаловаться на то, что сердце его полно обиды, что он не может простить одного человека, который совершил много дурного против него. Как выяснилось из беседы, обидчика уже лет пять, как нет в живых, а досада и дурные мысли о нем по-прежнему нет-нет да будоражат душу горемыки.

Отпустить ситуацию он не смог, простить – тоже, а регулярное воспоминание об этом привело к реактивному неврозу, который усугублялся с каждым разом. Положение, скажу вам, почти безвыходное, требующее радикального изменения всего сознания, образа мышления и заполнения памяти новыми положительными фактами. Данный недуг есть результат действия скрытой гордыни, которая таким образом разрушает душевный мир человека. В качестве лекарства мною было прописано: терпение и благодеяние по отношению к тем, кто сегодня ведёт себя аналогично покойному обидчику. Прошло время, и мой подопечный избавился от болезни. Он постепенно стер её в своём сердце, делая добро своим гонителям. Таково ремесло благодарения.

Три ключа

Поэзия – это всегда пограничное состояние. Если хотите, это береговая полоса жизни и любви, потому как тонущим она способна выставить маяки, а умирающих от жажды привести к воде. И потому ум поэта – это не просто ум, но ум, обогащённый живительной влагой романтики и эмоций. Не это ли во все времена так нравилось женщине: сила и доброта, власть и великодушие, решительность и спокойствие одновременно. Все это явлено миру как благородство, благочестие, рыцарство – три безупречных ключа к абсолютно любому женскому сердцу. И если поэт не способен открывать женские сердца, то он просто не так думает, не о том пишет и не то говорит. Влюблённая женщина закрывает глаза и просто слушает, слушает и слушает – всё остальное доделывает её великолепнейшее воображение. И это так прекрасно, что вряд ли что-либо можно, да и нужно менять в этом произведении, созданном самим Богом.

О чистоте в поэзии

В своё время любимый мною советский поэт Никита Иванов написал: «Знаю, самая вкусная в мире еда – из родимой земли ключевая вода. Верю, лучшее в жизни питье – это в синей воде отраженье твоё». Замечательно сказано! А мне, сказать по правде, не свойственно искать и применять в поэзии сложные обороты и образы, более того, я от них всегда ухожу, причём делаю это сознательно. Уверен: чем проще и естественнее сказанное, тем дальше проникает свет любви. Настоящая поэзия лишена всякой интеллектуальной взвеси, надуманности, эстетской вычурности, а потому божественно легка, прозрачна и целительна. Такую поэзию всякая душа, настроенная на слово, не только чувствует, но и, повстречав её, пребывает с нею до конца. В живописи меня привлекали такие способы воплощения собственных идей, как абстракция, символизм, сюрреализм, а вот в поэзии ценю другое: лёгкость, естественность, прозрачность. И все это для того, чтобы суметь уйти в глубину, увидеть дно с поверхности и познать, как оно бывает там, где есть необыкновенно чистая вода. Согласитесь, это всегда необычайно притягательно: такая вода всегда радует смотрящего сквозь неё. В такой воде хочется находиться. Именно такой водой и видится мне поэтическое слово. Я не стремлюсь к оригинальности и потому стараюсь писать стихи так, чтобы и душа, и сердце читателя смогли бы увидеть глубину сквозь написанное мною словно глазами ребёнка, который с изумлением разглядывает дно, над которым – обычная чистая вода. Надеюсь, так оно и получается. Именно там, на этом дне, и находятся ключи ко всякому прекрасному, что только можно себе представить: там живёт тайна. И пусть она недосыгаема, но она видна, понятна и естественна, и это – главное.

Цифровая гремучая смесь

Если сегодня представить все человечество как одного огромного человека, то нынешний интернет будет наиболее точной копией того, что делается в его голове. В какой-то степени нечто подобное происходит и в уме каждого из нас, когда в одном месте находятся и как-то уживаются мысли злые и мысли добрые, мысли наивысшей развратности и почти что святы, желание творить и желание разрушать. В каждый момент времени грандиозное пространство бытия уравновешено, и лишь когда происходит личностный эмоциональный выплеск, может произойти существенное изменение бытия. Если у человека это происходит под воздействием как внутренних биохимических реакций, так и внешних конфликтных ситуаций, то мозг человека всемирного может измениться путём перенасыщения той или иной информацией, загруженной в него. Это серьёзно и небезопасно, поскольку если интернет—организм сойдёт с ума, то человечество если не свихнётся, то очень близко подойдёт к этому. Возможность легко войти в хранилища высшего разума цивилизации крайне притягательно как для простого человека, так и для безумцев всех мастей. Сегодня интернет – это невероятная смесь: как если бы сразу смешали в равных долях сладкое, кислое, солёное, горькое и терпкое. Кстати, стоит попробовать приготовить нечто подобное, и вы поймёте, съедобен ли интернет. Уверяю вас, что абсолютно нет, а потому принимать его стоит отдельными дозами и с перерывами. Думаю, что в скором времени в психосоматике будет обозначен новый синдром: интернет-токсикоз, и это будет похлеще всякого органического вируса.

Никому и в голову не приходило, что наши глаза – это не просто орган зрения, а самая настоящая кинокамера, которая снимает все, что с нами происходит и передаёт в мозг, где эта запись и хранится. Туда же передают звук уши, и он тоже хранится в нас. После смерти эти документы и являются реальным свидетельством о том, что с нами происходило в течение всей нашей жизни. Умирая, люди нередко видят, как бы ускоренно, всю свою жизнь в подробностях, потому как всё записанное через глаза и уши воспроизводится в мозгу.

Бита ли карта?

Когда-то Игорь Тальков задался в своём творчестве вопросом: каким образом Россия, исполненная известного достоинства, «...могла себя отдать на растерзание вандалам»? Сегодня вполне уместен и такой вопрос: а как Россия советская, закалённая не только многими поколениями людей, но и героическими подвигами в боях Великой Отечественной, смогла сначала «додумать» до идеи перестройки, а потом переиначить эту идею до неузнаваемости? И если первое как-то ещё понятно, то почему же наша страна не смогла воспользоваться шансом, который был ей дан?

Сегодня трудно сказать, что из себя представляет наша общая территория, наша страна, наша Родина. Пока ясно только одно: по какому-либо сценарию, присланному из-за океана, она, если и собиралась когда-то идти, то теперь уж точно не пойдёт. При этом своего плана у страны как будто и нет: причиной тому являются либо упущения в идеологии, либо не хватает силёнок. Дело в том, что те, кто делал революцию девяностых, повзрослели, постарели и выдохлись, да и то, что они имеют от перестройки, их вполне устраивает. А дальше? А дальше – как в песне: дело за молодыми, потому как для них у нас «везде дорога», а значит, все будет хорошо. Да, в песне все выглядит вроде бы и хорошо, а вот на деле – не совсем. Вообще-то значимость воспитания в жизни человека никто не отменял, а потому вполне понятно следующее: как воспитаем своих же детей, так и пойдёт жизнь в государстве.

Сегодня об этом говорить можно, поскольку рождённые в девяностые и не имеющие никакого понятия о советской жизни уже подросли и готовы братья за руль. Карта есть, корабль – тоже, даже штурвал и компас найдутся, да вот только, как и куда плыть, никто особо не знает. Светлое будущее снято с повестки дня, постыдное прошлое – тоже, а последний ориентир, настоящее, оказался непродуктивным. Ответ на вопрос, кто виноват, ясен: все и сразу. А вот что делать – здесь всё куда сложнее. Процесс переиначивания страны и народа пущен в ход, да и Запад маслице в этот огонёк льёт, причём не без удовольствия. И все-таки дело не в этом, а в нас самих. Так можно ли что-то сделать или хотя бы начать делать, чтобы наша, та самая постсоветская молодежь, обрела, пусть и небольшую, уверенность в завтрашнем дне? Или шанс безвозвратно упущен?

Не хочется пожимать плечами, недоуменно вертеть головой, а все же задуматься и попробовать что-либо предложить... А думать-то особо и не надо, всё ведь ясно: если мы не хотим возврата к худшим формам царизма или совершенно дикого правления вэкапэбистов, если хотя бы как-то, но надеемся на нормальное развитие, необходимо дать шанс молодёжи начать самостоятельно созидать страну, в которой ей, собственно, и придётся жить. Да, нелегко, к тому же рискованно, но кураторы пока ещё живы, а значит, и помогут, и подскажут. Дать власть, пусть и не самую значительную, но верную и ответственную, дать не сынкам и дочкам, как это обычно и происходит, а сыновьям и дочерям, дать тем, кто достоин, кто любит и хочет работать, и при этом имеет честь и совесть. Дать и всячески таковых поддерживать. Пусть они планируют и возводят наше, а точнее, своё будущее, строят новую, но свою жизнь. Почему-то мне кажется, что это сработает, просто надо опять напрячься и нам, и им, а иначе сценарий пойдёт по знакомому и вполне очевидному плану, абсолютно не достойному того, чтобы о нем не только писать, но и говорить...

Первоиюньское слово ко Дню защиты детей

Видимо, ещё в юности большинство из нас покинуло Царство Небесное и всю свою жизнь проводит вне Его. Так что же было в детстве такое, чего всем нам, взрослым, теперь не хватает? А было ожидание будущего, была любознательность! Было искренним восприятие бытия, и желания были искренними, и доверие к жизни было, и способность к изумлению, да ещё – много сердца и совсем не много ума, а значит, было настоящее, безусловное счастье.

Жизнь осталась прежней, но изменились мы – просто стали взрослыми... Но, возрастая, мы не вызрели, потому как первым условием зрелости является возврат к детскому мировосприятию, но с учётом жизненного опыта. Голубиная простота, опирающаяся на мудрость змия, есть условие для нас, взрослых, к возврату в Царство Небесное, но прежде нам вновь предстоит стать и навсегда остаться детьми, ибо и цветы, и птицы, о которых говорит Господь, ведут себя как дети. Как это определяется? Да просто: они живут – и всё. Но человек – иной: ему необходимо покинуть детство, повзрослеть, готовясь к зрелости, а далее созреть, то есть стать зрелым. Это происходит, когда удивительнейшим образом в его душе объединятся мудрость и наивность, вера и сомнение, предприимчивость и кротость, мастерство и неискущённость, основательность и лёгкость, смелость и осторожность, честолюбие и скромность, решительность и сдержанность, озорство и совесть, требовательность и терпеливость. А всё это вместе и есть любовь – сила, при которой, казалось бы, несовместимые вещи, соединяясь, взаимно дополняют друг друга, показывая тем самым нескончаемую мудрость дела рук Божиих.

Эта детская фотография...

Однажды в своих стихах мой друг, поэт и переводчик Вадим Николаев, так написал о ней: «Эта детская фотография вызывает странную грусть». Вообще-то у меня много детских фотографий, и все на удивление необычные: словно кто-то серьёзный хотел, чтобы всё именно так и получилось. Отец любил снимать, и потому, несмотря на то, что в те годы это было не так легко, как сегодня, снимки регулярно пополняли простенькие семейные фотоальбомы. Фотографии разные: есть такие, что мне нравятся, есть и те, что не очень, и дело не в качестве самой фотографии – просто бывает, нахожу в них что-то тревожное, отстранённое, как бы не моё. Удивительно, но хорошо помню, как отец снимал. Глядя на фотокарточку, нередко вижу папу, стоящего за её краями с фотоаппаратом в руках и дающего советы, как лучше сесть или встать. Но это пришло позже, ибо во дни моего младенчества меня это абсолютно не касалось.

Не знаю, как оно получилось, но есть среди прочих одна фотография, на которую я смотрю в самые непростые для меня дни, смотрю, когда мне, что называется, совсем невмоготу, совсем лихо. Однажды, взглянув на эту фотографию, мама мне рассказала, что как-то раз она оставила меня в садике на продлёнку и, немного отойдя, вдруг увидела, как я подбежал к забору, прижался к решётке и смотрел ей вслед молча, долго и внимательно, смотрел именно так, как на этой фотографии. И тогда она вернулась и просто взяла меня с собой на дежурство. И это было счастьем, запомнившимся на всю жизнь. На фотографии мне года три, и кажется, что в тот момент я гляжу не столько на фотографа, сколько на весь мир сразу. Где-то там в самой глубине своего сердца я так и остался ребёнком, со вниманием и осторожностью вглядывающимся в этот мир. Когда же я, устало и обречённо, смотрю на этого мальчика, то слышу, как он тихо-тихо, как-то совсем не по-детски сдерживая слезы, говорит мне: «А ведь я родился не для того, чтобы ты вёл себя так, как ты это делаешь сейчас. Ты вырос, а теперь предаёшь меня, не желая жить дальше. Не бросай меня, не предавай, прошу тебя... Выдержи всё, что с тобою происходит, и дай мне... дай, пожалуйста, дожить эту жизнь до конца».

Это разговор с самим собой, со своим внутренним ребёнком всегда пронзителен и до невозможного беспощаден. Каким-то образом этот человечек вызывает во мне невыносимые муки совести, и я понимаю, что не могу, не имею никакого права, относиться халатно к себе, своему здоровью и делам, лишать естественного и простого счастья этого мальчугана, с такой надеждою пришедшего в этот мир, чтобы жить. И тогда я даю ему слово, что постараюсь... Нет, обязательно поступлю так, как он этого от меня просит, и живу, живу, живу дальше...

Я был когда-то маленьким,
теперь я стал большим,
но только этот маленький
во мне остался жить...

Плохо человеку быть одному

То, что в юности для нас романтично, с годами начинает видеться безобразным и отвратительным, и речь прежде всего идёт об одиночестве, которое со временем позволяет нам не просто существовать в наших же собственных пороках, дурных мыслях и действиях, но и укрепляет нас в естественности происходящего, и этим как бы оправдывает. Известно, что большинство наших положительных действий направлены на близкого нам человека. Именно его присутствие и меняет нас в лучшую сторону. С годами все мы становимся такими, какими нас создавали детское здоровье, воспитание, отроческие привычки, образование и юношеское общение. Все это является формой для отливки последующего характера нашей личности. Потому мы такие и разные, что у каждого были свои условия роста и становления, свои психозы и своя степень неврастения.

Было бы неправильным требовать от всякого встреченного нами взрослого человека не свойственных ему качеств лишь потому, что лично для нас запрашиваемое естественно. Видимо, были на то причины, исходя из которых он не смог или не сумел получить в ранние годы своей жизни то, что имеем мы. Он такой, каким его сделала форма юных лет. Видимо, поэтому так сложно найти собеседника, соратника, будучи взрослыми, а о личной жизни и говорить не приходится: благополучие таковой – редчайшая удача, и всему своё время. Юность, имея известный запас психологической прочности, позволяет менее болезненно обтачивать психику и довольно-таки быстро, благодаря переключению внимания, излечивает мелкие душевные раны. Взрослым же людям устанавливать отношения между собой непросто: это всё равно, что пытаться надеть левый ботинок на правую ногу со связанными руками – всё будет казаться неудобным. Поэтому встретить действительно близкого человека после сорока лет – это настоящая удача и подлинная радость: именно встретить, а не пытаться изменить всякого встречного под себя или же меняться ради этого самому. Пожалуй, этим в первую очередь и объясняется большое количество одиноких среди тех, кому за сорок, что касается и мужчин, и женщин, а с годами это количество только растёт.

Но человеку нельзя быть одному, это неправильно, это приводит к искажениям в развитии его психики, его природы. Господь посылает нам встречи, и надо беречь всякого, кто вам хотя бы немного, но близок. Никогда не разбрасывайтесь людьми, дорожите ими: с возрастом это проще – как никак есть житейская мудрость. Не уходите по всякому пустяку, держите себя в руках, умейте просить прощения, проявляйте терпение и не хлопайте дверьми, проявляя тем самым собственную глупость и недалёкость. Прав был Омар Хайям, когда говорил, что неверно быть с кем попало, но быть одному во много раз хуже, ведь это противоестественно. Будьте прежде всего рядом с теми, с кем давно знакомы, не оставляйте тех, к кому испытываете тепло и влечение, и тех, кто к вам добр и внимателен. И если вдруг повстречаете после пятидесяти лет человека, который вам близок по духу, то сделайте все, чтобы быть с ним до конца жизни: такие встречи всегда не случайны.

Когда лучшее – не враг хорошего

Всякий хороший врач, имеющий достаточный опыт, может лечить больного, и только мастер знает, как жить и не болеть, и учит этому человека.

Всякий хороший священник живёт по уставу, и только мастер живёт по любви.

Всякий хороший учитель учит человека знанию, и только мастер учит его умению правильно учиться.

Всякий хороший судья поступает по закону, и только мастер поступает по совести.

Всякий хороший политик способен уладить споры и конфликты, и только мастер их не допускает.

Всякий хороший чиновник знает своё дело, и только мастер служит людям своим делом.

Всякий хороший воин может отразить нападение, и только мастер не позволяет на него нападать.

Всякий хороший банкир стабилен, и только у мастера стабилен его клиент.

Всякий хороший художник создаёт достойное творение, и только мастер может менять созданным нашу жизнь и влиять на неё.

Всякий хороший работник делает всё, как для себя, и только мастер сделает лучше, чем для себя.

Всякий хороший крестьянин кормит прежде всего себя, и только мастер кормит всех.

Всякий хороший торговец умеет выгодно продать товар, и только мастер может снизить на него цену.

Всякий нормальный мужчина справедлив, и только настоящий мужчина милосерден.

Всякая нормальная женщина добра, и только настоящая женщина – женственна.

– Всякий хороший врач, имеющий достаточный опыт, может лечить больного, и только мастер знает, как жить и не болеть, и учит этому человека.

– Всякий хороший священник живёт по уставу, и только мастер живёт по любви.

– Всякий хороший учитель учит человека знанию, и только мастер учит его умению правильно учиться.

– Всякий хороший судья поступает по закону, и только мастер поступает по совести.

– Всякий хороший политик способен уладить споры и конфликты, и только мастер их не допускает.

– Всякий хороший чиновник знает своё дело, и только мастер служит людям своим делом.

– Всякий хороший воин может отразить нападение, и только мастер не позволяет на него нападать.

– Всякий хороший банкир стабилен, и только у мастера стабилен его клиент.

– Всякий хороший художник создает достойное творение, и только мастер может менять созданным нашу жизнь и влиять на неё.

– Всякий хороший работник делает всё, как для себя, и только мастер сделает лучше, чем для себя.

– Всякий хороший крестьянин кормит прежде всего себя, и только мастер кормит всех.

– Всякий хороший торговец умеет выгодно продать товар, и только мастер может снизить на него цену.

– Всякий нормальный мужчина справедлив,
и только настоящий мужчина милосерден.

– Всякая нормальная женщина добра,
и только настоящая женщина – женственна.

Боль, но сказано

Поэзия, вне всякого сомнения, вырастает из боли, из надлома, из печали и тоски, из самых недр человеческой природы – немогущей, слабой, но всюду ищущей утешения и всяко надеющейся на благо. Поэзия не взойдет из уныния, но и не задержится в ветреной вольности: она появляется из бесконечно загадочного душевного поиска и смущения тех, кто пытается спастись собственным стихосложением. Даже те из великих, что высевали алмазными зёрнами строки стихотворной пахоты, восторгаясь всякой тварью, омытой девственными росами неземных рассветов, вышли из чудовищного мира душевного надлома и смятения. Таково неоспоримое условие поэтического искусства, а потому всякого, пишущего стихи, если и удастся ему покинуть блуждания, выйдя на тропу поэтической правильности, ждёт распятие, и если не людьми, то обстоятельствами, болезнью или горечью собственного миропонимания. Тем, кто пребывает в непрерывном восторге, нечего делать в поэзии, потому как они просто с нею не справятся: их одоподобная метаформа, зачастую лишённая всякого лиризма, отпугивает скорбящих, убогих, сирых: прежде всего тех, кто, как никто иной, нуждается в целительном слове. Притянутые к реальности и выставленные по случаю только лишь для оценки, их образы не звучат, краски не играют, а мыслям и сюжетам не хочется верить. Потому как всё в них, несмотря на отточенную рифмичность и ритмичность, надумано сочинителем, натаскано ради обретения сторонней похвалы и заведомо лишено очистительной силы страдания и душевной боли самого автора.

Ставь чаёк!

Есть у меня приятель, Джеймс Патрик, американец, сын очень обеспеченных родителей, но живёт он в России – живёт по-настоящему, а не просто приезжает время от времени. Я бы даже сказал, что живёт он по православному. Снимает комнатку, ходит в валенках и в телогрейке. Так было ещё с начала 90-х, да и по сей день мало что изменилось. А все потому, что любит он Россию, любит искренне, говорит, что у нас, мол, люди умеют своей жизнью делать стране историю, а у них, у американцев, все какое-то игровое, надуманное, пластиковое. Я не могу знать, как оно всё обстоит по другую сторону холма, а вот над словами «делают стране историю своей жизнью» задумывался нередко.

И действительно, как у нас получается жить именно так? Живём ведь очень непросто, постоянно создавая самим себе трудности, словно обойтись нам без этого невозможно. Вроде все и всё понимают, а наладить благополучное житие никак не получается: то самодержавие лютует, то разгорается революция, то давят нас репрессиями, то путают партийными разборками – вот и не складывается из-за всего этого наша жизнь. Но голь, как известно, на выдумки ох как хитра! Не буду сейчас много рассуждать о том, как народ выживал в гражданской войне и во времена тоталитарной чистки от инакомыслия, но то, что выстоял – это точно. Выжил и родил новое понимание жизни и отношений: гомосоветикус – человек советский! И оказался этот человек настолько глубоким и порядочным, что сама церковь стала воздерживаться от излишних комментариев.

Но вот пришла и очередная волна, теперь уже денежного миропонимания, и переместилась Россия-матушка на иную дорожку, направления которой никто не понимает и понимать не хочет, и где всё упирается только в деньги. И неизбежно возникает эдакий денежный тупик. Будь моя воля, я бы так и назвал улицу, ведущую к ЦБ России. Народ приуныл, да и богатые, те что поумнее, всплакнули. Не случайно время перехода и ускорения (непонятно чего) началось с показа сериала со схожим названием: «Богатые тоже плачут», а точнее – платят. Об этом как бы предупредили нас заранее сеньоры и доны из пока ещё Южной Америки...

Как—то, выступая в одной из московских школ, я решил спросить ребят: «Как надо жить, чтобы делать для страны историю?» Никто не ответил: все молчали... И вдруг один парень встал и произнёс такие слова: «Чтобы так жить, надо для начала иметь общее дело, общие цели, единую радость и печаль, чтобы они и определяли то, что каждый человек будет вкладывать, исходя из своих возможностей». Класс зашептался, зашевелился, стали предлагаться разные идеи... Ребята явно поняли что-то очень важное, а я смотрел на это оживление, а в голове крутились слова: нет, не перевелись ещё на земле русской... И вспоминался мой приятель Джеймс, точнее, Димитрий – так он просил к нему обращаться. Как же он был прав!

А когда оживление улеглось, одна девочка спросила, обращаясь ко мне: «А что об этом думаете вы?» Я молча достал деньги, все, что у меня были, положил их на стол и предложил взять их, но с условием: если кому-то они очень сейчас нужны. Никто не поднялся с места... И не потому, что деньги им были совсем не нужны.

Джеймс Патрик непременно сказал бы по этому поводу: «Это – Россия, Терентий! Ставь чаёк!»

Эти песни запевают молодёжь

Такого количества песен, призывающих к миру во всем мире, какое было написано в СССР, причём для исполнения на общегосударственном уровне, не было ни в одной стране. Не поленился и стал искать нечто подобное на Западе, нашёл – крохи. И пусть они, эти песни, замечательные, но это – именно крохи, потому как принадлежат не всей нации, а лишь отдельным исполнителям, проявивших таким образом свою порядочность и наличие совести: это «Boom!» группы «NSystem of a Down», песня «Russians» из дебютного альбома Стинга «The Dream of the Blue Turtles», выпущенного в 1985 году, в которой музыкант предостерегает от последствий холодной войны. К созданию этой композиции, как об этом говорил сам Стинг, его подтолкнул просмотр советских телепередач для детей, после чего возникло проявившееся в песне сомнение: любят ли русские своих детей? Позже в интервью Владимиру Познеру он признался, что через некоторое время, вновь увидев российские детские программы, удивился тому, сколько внимания, тепла и любви было вложено в них. И ответ для него стал очевиден. И конечно же, нельзя забыть легендарную песню Джона Леннона «Give Peace a Chance», которая была написана им во время знаменитой «постельной акции» (Bed-in For Peace) против войны во Вьетнаме. Но всё это – личностные проявления воли к миру. А теперь вспомним советские песни о мире: «Бухенвальдский набат» А. Соболева и В. Мурадели, «Пусть всегда будет солнце» А. Островского на слова Льва Ошанина, «Хотят ли русские войны» Э. Колмановского на стихи Е. Евтушенко (впервые исполненная в 1961 году М. Бернесом) и, конечно же, «Гимн демократической молодёжи», написанный А. Новиковым и Л. Ошаниным. И это далеко не всё, но главное здесь не количество, а то, что все они не просто песни, а своего рода общегосударственные, общенациональные лозунги, на которые ориентировались советские люди. Кто-то из людей известных сказал: «Как и о чем поют люди, так они и живут, и будут жить», – и это правильно. В Америке не поют о мире так, как в России: это не входит в планы «самой свободной и самой демократической» страны на земле – жить в мире. Будь это иначе, тогда об этом они бы и пели совсем по-другому.

Меньше, чем на шаг

Сегодня, как никогда, человечество стоит перед необходимостью решения нравственных задач. Именно нравственность и есть тот спасительный шаг от реальной гибели всех и всего сразу. Очевидно, что достижения научно-технического прогресса ставят людей перед выбором между жизнью и смертью. Каждое новое поколение просто не успевает постигать все премудрости ускорившейся цивилизации, оставаясь в рамках обыкновенности. Именно интеграция и ничто другое ведёт человечество к гибели, создавая условия, когда буквально одним махом можно стереть с лица земли всё и сразу. И это действительно смертельная опасность, которая никогда не была настолько близка от каждого из нас.

Современный профурыканизм

Удивительно, насколько быстро искромсал навалившийся из-за бугра капитализм мою страну. Как нелепо смотрятся сегодня и парад, и всякое движение памяти на фоне постоянного почти наплевательского отношения к пожилым людям, среди которых ещё остались и фронтовики. К чему этот пафос, эти траты сил и средств на мероприятия, когда уже в корне, в самой своей сути Россия почти потеряла то, ради чего воевали наши отцы и деды. Как-то странно видеть русского человека, теряющего совесть, но вожаденно сжимающего в руке замусоленную пачку денег, точнее пачечку. Нет, я никого не обвиняю и не осуждаю, а просто люблю Родину, люблю свой народ и мне, живущему здесь, совершенно не безразлична память о тех, кто сделал все возможное для того, чтобы я жил, и жил хорошо. Конечно же, память осталась, но только вот реализовывается она как-то мелко, почти воровато, и в основном на то, что в конечном счёте оказывается в остатке. Мне нечего сказать о развитом социализме, вся развитость которого была направлена на околпачивание самого обычного человека, но то, что выкинул в России капитализм, не лезет ни в какие ворота. Страна с огромнейшим потенциалом, не пройдя фазу реализации, превращается в уставшего, но при этом крайне самонадеянного, ворчливо-болтливую импотента, потерявшего себя на просторах бытия. Есть хорошее слово – иностранщина: так обычно в СССР называли всю импортную второсортицу. Сегодня вполне цивилизный вещизм победил шмотьё, превратив среднестатистического неуча во вполне видного человека. А вот с иностранщиной дело обстоит куда хуже. Поднабравшись опыта, она пролезла в мозги и крепко в них обосновалась, заставляя россиян подражать якобы цивилизованному западу. И все было бы ничего, но только вот не к лицу оказалось нам всё ихнее. Не сходится решение с ответом в самом главном месте – в душе. А потому и не лежит, не сидит и не стоит душенька среднестатистического россиянина, а только мыкается, мается, да выпендривается по любому случаю перед своими же.

Человек, если он и единица, то тогда уж измерения и, конечно же, счастья. А счастье измеряется людьми. Есть люди, которые сделают все, чтобы добиться поставленной ими цели. Удивительно, но зачастую цели у таких людей скучные и маловажные. Те же, кто ставит перед собой действительно большие задачи, всегда считается с интересами обыкновенных, самых простых людей. Исходя из этого, вполне допустимо утверждать, что, вопреки расхожему мнению, геополитическое мышление – одно из самых ущербных.

О скучном

Похоже, что с коронавирусом удалось-таки договориться. По случаю узнал, что Ковид XIX, прозванный в народе Многоликим, сегодня бесславно покинул Нью-Йорк: за последние два дня ни одного больного – во как! Хочется крикнуть – слава заокеанским врачам! – а не кричится. Хочется пожать руку предусмотрительным штатовским чиновникам и отдать честь бдительным полицейским, но не жмётся и не отдаётся.

Берите выше: теперь этот монстр будет являться исключительно по приглашению глав государств.

Антинаивное

Все мы люди, но все – разные. Одним из самых серьёзных открытий в моей жизни стало понимание того, что руководитель, ответственный за дела и судьбы, может быть очень недалёким, малообразованным человеком. По сути это уродство, прикрытое статусом и положением. Нехватка ума порождает плутовство и изворотливость – эти качества могут достигнуть высочайшего уровня. Всякий, попавший во власть по случаю, вынужден хитрить и лукавить, дабы удержаться на месте, и потому именно ложь становится его основной силой. Такой начальник взращивает таких же лживых подчинённых, и тогда вся система, вся организация трещит по швам. Разрушить такую сцепку очень трудно, потому как она взаимоподпитываема. Лучшее, что можно сделать – это просто не входить в неё и не участвовать в работе такого аппарата.

Свободна ли свобода слова?

Необходимо понимать, что свобода слова, как таковая, ничего не означает, если в говорящих нет любви. Можно говорить о ком и о чём угодно, но если в вас не будет любви, то всякое откровение будет выглядеть самонадеянно, надменно, а то и цинично. Сегодня это происходит повсеместно. Нынешняя манера обращения к человеку с телеэкранов выглядит так, как будто вам пытаются что-то вдолбить, но не получается, а потому говорящий ещё активнее заставляет вас услышать его и поверить в то, о чем он говорит. Иногда просто хочется сказать ему: потише... И этого было бы достаточно, но он не услышит: ведь его дело забить вас информацией, как гвоздь – по самую шляпку. Когда нет любви, всё именно так и происходит: людей просто размазывают по стенкам жизни этой бесконечной трескотней ни о чем. И все это называется свободой слова. И если оно так, то все мы сегодня живём в мире амнистированных слэнга, нецензурицины и самоупоённой болтовни с видом на собственную значимость. Может, поэтому реклама и побеждает живую речь, что в последней нет особой потребности: её просто не понимают...

Четыре

Физическую основу бытия составляют время, деньги, энергия и жизнь. Время переходит в деньги, деньги экономят время и силы, переходя в энергию, а энергия переходит в жизнь, которая вновь переходит во время. По сути жизнь – это и есть время. Тот, кто не в ладах со временем, не имеет денег, не имеет сил и не имеет жизни. Будет время – будет все остальное. Если этого не понять, то жизнь станет пустой и никчёмной. Каждая секунда, дарованная вам Богом, создана для чего-то. Распорядитесь ею как лучшим, что у вас могло бы быть. Не живите прошлым, не живите будущим, не живите настоящим, а учитесь жить сразу и тем, и другим, и третьим. И если на духовном плане Бог есть любовь, то на физическом Он – время. Тому, кто бережёт время, даруется истинная любовь.

Ещё раз о хорошем

Когда—то в одном из писем своего деда я прочитал, что до светлых времён ему не дожить, но он верит, что его внуки будут жить в радости и счастье. Эта заветная мечта вела и хранила его всю жизнь. С тех пор, как его нет в живых, прошла почти четверть века... Всё изменилось, и в наше время – время почти всепоглощающей всемирной безнравственности, популизма и демагогии, только мечта, и именно такая, остаётся необходимым и, пожалуй, единственным способом сохранения человека в человеке. И я, его внук, тоже верю, что когда-то ход нравственной истории человечества обязательно поменяется, и люди выйдут на иной, более высокий уровень сознания – на уровень любви, без которой человечество просто погибнет, каких бы высот в науке и технике оно ни достигло.

В этом-то и есть подлинное мастерство жизни, чтобы научиться жить не для себя, а для кого-то. Нередко слышу, что надо жить прежде всего ради себя, и это в корне неверно. Все мы в той или иной степени так и живём, а вот жить ради близкого, ради любимого человека, друга, жить ради родителей или детей – это только на первый взгляд легко. Жить правильно – это жить ради другого, чувствовать его, уметь помочь, поддержать: всё это навыки из высшей школы бытия. Суть христианства – только в любви, а любовь всегда жертвенна. Если вы не жертвуете, то вы не любите или любите, но не по-настоящему. И не стоит обольщаться собственной верой, которая без жертвенной любви – просто казённая и уставное развлечение. И пусть сапожник будет без сапог, а пекарь – без буханки хлеба, но если его сапоги носит любимый им человек, а хлебом сыты его дети, мать, отец или друг, то все у такого человека нормально, все так, как Богу и угодно.

Совершенно ясно, что плата за веру и любовь здесь, на земле, настолько велика, что становится в один ряд с невыносимыми муками, а потому всякий, кто выходит за рамки коллективного и общепринятого, облакает себя на страдания. Я имею в виду не эпатажных выскочек, стремящихся удивить общество своей экстравагантностью, – я говорю о подлинном выходе, когда во главу угла ставятся высшие нравственные ценности, и у тебя уже не получится не следовать этому выбору. Однажды осознав это, ты не сможешь жить по-старому, и это уже не кризис, а подлинная катастрофа с неизвестным финалом. В таком случае есть только один выход: броситься в ноги распятому Христу и постараться убедить себя, что все это правда. Обычно это не получается, но если вопль вашей души достигнет предела невозможного, достигнет пика той самой заветной немощи, то вероятность того, что небо покачнется, все же есть.

Суть вещей

Есть точное выражение – искусство в массы, объясняющее все основные функции искусства, когда художник, для пущей ясности, как бы спускается к людям: идёт в народ, переходя на его язык и делая тем самым свои произведения максимально доступными для большинства. В таком случае даже матерная строка, написанная с ошибками, находит своего ценителя. Для искусства вполне уместны и эпатаж, и разврат, и цинизм, потому как именно таким образом реализуется гипертрофированное эго изображающего всё это. Искусство свободно, но беспринципно, а единственное, на что направлено всё внимание его создающего, – это собственная слава и материальное обогащение. Будет слава – будут деньги; будут деньги – будет и слава. В этих коротких фабулах и заключается весь искусительный механизм искусства. В какой-то степени искусство является ступенью для развития личности художника и его почитателей, но только ступенью, а не лестницей. Всякая ступень есть часть лестницы куда-то ведущей, что невозможно сказать об искусстве. Это ступень, но лестницы своеобразной, подобной той, что изображена на гравюре Маурица Эшера с диковинным названием «Вверх по лестнице, ведущей вниз».

И все-таки выход должен быть, и он есть, он – в творчестве, в том допустимом действии, когда художник начинает творить во имя высоконравственной идеи, когда его цель определена исключительно как благо. Такое искусство уже более не искусство, ибо оно не искушает, а созидает: оно творит, делая это исключительно по любви и безо всякого стремления к наживе или славе.

В этом заключается таинство метапсихического перерождение личности творящего – рождение в творчестве. Теперь художник более не идёт к людям, но приводит их к себе, точнее, ведёт за собой, создавая своими произведениями нечто особенное, что возводит читателя, зрителя или слушателя до внутреннего преображения. Такое творчество не продаётся, а дарится, ибо само даром получено. Если хотите, оно бесценно, как воздух, которым все мы дышим. Всякий, творящий подобным образом, – он и чудак, и дурачина, и простофиля, при этом обладающий удивительной силой, присущей разве что ненадуманной аскезе, когда цель и средства трансформируются в единственно верное понимание сути вещей. В этом, и только в этом, заключается подлинное мастерство.

Благо бысть есть

Не обвиняйте ближних, не ссорьтесь и не ругайтесь, а если так оно случилось, то сразу просите прощения – не отягчайте свою жизнь и не грязните свою душу откладыванием на потом. Миритесь первыми, даже если вы и не виноваты, отвечайте только за себя и не ждите от других извинений.

Бывает так, что человек на исходе своих сил, а то и лет просит прощения, не имея к этому должного состояния, а прощающий лишь формально его прощает – не доводите до этого: живите в состоянии покоя и душевного мира, решая проблему сразу.

Не копите в себе обид, не злословьте, не судите людей в рассуждениях своих и не уходите от человека по обиде на него, тем самым заражая свою душу всем, что впоследствии не даст ей любить.

Крупницы опыта: советы от неохоты

Все надо делать только вовремя. Самое, пожалуй, неприятное от не сделанного вовремя, это не то, что оно не сделано, а то, что на него более нет и скорее всего не будет ни желания, ни сил, а в памяти оно остаётся. И вот всякий раз, роясь в собственных воспоминаниях и натываясь на всё, что когда-то не свершилось по собственной лени, халатности, несобранности и неорганизованности, ты невольно пытаешься хоть что—то с этим сделать. Если собрать вместе все эти пятиминутки ни к чему не приводящих обдумываний и бесполезных мечтаний, то получится изрядное количество выброшенного из жизни времени, и это ещё одна неприятная сторона вовремя неосуществлённого намерения или желания.

Что касается меня, то в подобных обстоятельствах я пользуюсь тремя правилами. Первое: стараюсь всё делать сразу. Второе: если сразу не получается, то откладываю на день, но не более – опыт подсказывает, что большинство из отложенного в продолжении не нуждается. И, наконец, я хорошо знаю, что всё угодное Богу будет осуществлено, и на это обязательно найдутся и время, и силы, и желание, даже если пауза затянется на несколько лет. Но если вы все-таки откладываете что-то на потом, то предъявите самому себе несколько веских для этого обоснований: у меня их обычно набирается не менее пяти. Если меньше, то я делаю это «что-то» без отсрочек, даже если очень не хочется.

Вероятно и очевидно

Многие не могут справиться с загрязнением собственной души, и когда грязи становится слишком много, то они ограничивают доступ к своим страницам в соцсетях, отправляют знакомых в спам, не отвечают на письма и не подходят к телефону. И не стоит прикрываться мыслями о том, что это хандра или, тем более, депрессия. У этой душевной загрязнённости совсем другие причины и другие имена, и прежде всего – обида и зависть, берущие своё начало из переизбытка собственной значимости, а проще говоря – гордыни.

Мало кто способен признаться в этом, и потому, выходя из «подполья», человек чаще всего объясняет своё исчезновение тем, что был в делах, засутился, закрутился или неважно себя чувствовал, а по сути он врёт, совершенно не понимая, что только одержимые обидой или завистью люди демонстративно ограничивают доступ к своим страницам в соцсетях, отправляют знакомых в спам, не отвечают на письма и не подходят к телефону.

Есть такая трава – заманиха

Один из самых скверных этапов в эволюции человечества – это период жизни ради потребления, когда в основу её ценностей вкладывается задача заработать и потратить, а по сути – съесть и переварить. Альтернативу такой жизни составляют периоды нестяжания и жизни творческой – по сути, времени подлинного развития и духовного эволюционирования личности.

Сегодняшняя Россия увязла в потребительстве, и свидетельством тому является доминирование банковской системы с её постоянными кредитами и процентами. Сцепка «товар-деньги-товар» вовлекает человека в рассуждения о том, как и где заработать побольше и на что заработанное потратить. И если общество нищает, то человек, носитель его ценностей, ещё с большим рвением кидается на решение этих задач. Качество собственной жизни он определяет некоей предметностью (квартира, машина, отдых, вещи и так далее), список компонентов которой зачастую заходит настолько далеко, что делает человека окончательно несвободным. Достигая одного, такой горе – добытчик тут же стремится к другому, порой недоумевая, почему это люди могут жить не так, как он. Сам же себя он видит современным, деловым, энергичным и продвинутым, в общем, наидостойнейшим экземпляром капиталистической бахчи, задачи и цель которой этим, собственно, и выражаются. Человек, охваченный страстью приобретения, профукивает, сам того не ведая, всю свою жизнь, в итоге так ничего и не осознав.

О действии с продолжением

Говорить и рассуждать могут многие, но заслужить, чтобы тебя слушали и читали, – удел единиц. И дело не только в совершенстве языка говорящего и уровне его культуры, и не в таланте пишущего, его изяществе и самобытности, но прежде всего в самой его личности – в той самой харизме, о которой так много говорят, при этом мало зная и понимая, что это такое. По мне – всё гораздо проще: если будет воля Божия на то, чтобы тебя услышали и прочитали, то и услышат, и прочтут – знать, так Богу угодно. А если Богу не угодно, то и смысла нет в такой деятельности, ибо суть всякого дыхания на земле – славить Господа.

Обратная перспектива

Иногда люди исчезают – и исчезают очень надолго. Это происходит и по усталости, и по нервному удручению, и по обиде, да и просто по никому не ведомым причинам. Проходит время, и некоторые из них возвращаются, и это – хорошо. Увы, но очень часто их никто не ждёт. Река времени сделала своё дело и смыла берега прошлого. Я не знаю, как к этому относиться, но для себя решил жить только здесь и сейчас. Благодарить за прошлое, не думать о будущем, а жить только настоящим. Сделать так, чтобы оно тебя устраивало, каким бы непростым ни было.

Своё прошлое я доверил надежде, будущее – вере, а настоящее – только любви. По-другому жить не получается, потому как с того момента, как я это сделал, жить иначе стало просто невозможно.

Четвёртое решение

Первое из того, что со мной происходит, – это ощущение, что теперь я точно знаю, как надо жить.

Второе – это понимание, что я жил совершенно не так, как надо было жить.

Третье – я понимаю, что первое есть следствие второго...

И тогда я ищу, ищу и нахожу четвёртое решение: пусть все будет так, как было и есть. Этим и успокаиваюсь.

Ум гаснет с каждым шагом приближения к любви. Таково свойство ума. Таково свойство любви. Нет, он не исчезнет, но когда любовь возобладает, ум успокоится и просто перестанет рассуждать и анализировать, ибо он окажется в наилучшем для него положении. У всякого любящего – благодарный ум. Такой человек более не испытывает и не изучает происходящее, и ни в чем сомневается. Он только видит, что происходит, и остаётся довольным от случившегося.

Есть самый простой способ пропустить главное – это потратить жизнь на приобретения. Остаток сил, если таковой будет, уйдёт у вас на обслуживание нажитого, и половина от этого остатка – на пользование приобретённым. В этой типичной схеме жизни отсутствует любовь, ибо любовь никогда не начинается с приобретения, но только с дарения. Приобретая, мы имеем удовольствие, но никак не любовь. В известной степени удовольствие может вызвать благодущие, и человек начнёт отдавать, получая взамен благодарность и накапливая вновь удовольствие. Любви в этом не будет, но будет её иллюзия. Любовь возникает не от недостатка, но от жертвенности. Это – словно вы подарили свою единственную машину, а не одну из... Но ум помешает вам это сделать, подведя вас к целесообразности. А любовь всегда иррациональна, в этом её абсолютное могущество. Сегодняшний мир далёк от любви, но эволюция не стоит на месте: когда-нибудь человечество все-таки обнищает, и это будет наивысшим благом для него. А пока – банки раздают кредиты и печатают новые деньги, пока – идёт оцифровка сбережений и стимулируется алчность, пока – болезнь продолжается...

В каком-то смысле опыт – это и есть тот самый духовный иммунитет ко всякого рода ошибкам. Удивительно, но именно грехи в конечном счёте и порождают появление высочайшего противостояния в нашей душе. Всякая святость происходит из осознания собственных грехов или ошибок. Человек рождён во грехе, и ему свойственно ошибаться. Премудрость в том, чтобы не повторять неправильных действий. Грешник не тот, кто грешит, а тот, кто раз за разом повторяет один и тот же грех, тот, кто привык к нему настолько, что не может от него отделаться, – это возможно только в одном случае: если мы обратимся к Богу, допустим Его в свою жизнь. И тогда, пусть и не сразу, мы избавимся от вредных действий. Не стоит думать, как и почему, но это происходит всегда.

Бродяги и поэты

Вероятно, моя самая большая ошибка заключается в том, что я с юных лет мог стать, но все же не стал бродягой. Как бы оно ни сложилось, но годам эдак к сорока я бы имел весь мир в своём сердце, а теперь всё, что у меня есть, – так это только квартира в городе, дом в деревне и линия длиной в 70 километров, соединяющая эти две точки. И ничего уже не исправить...

Сегодня многие путешествуют, но не бродяжничают. Замечу, что это совершенно разные вещи. Если вдуматься, то путешествие, даже самое невероятное, едва отличимо от просиживания на стуле перед телевизором с передачей о земных просторах. Бродяжничество – совершенно иное действие: это состояние идущего в никуда человека, гонимого разве что вращением земли и попутными ветрами, когда, ко всему прочему, жить такую судьбою воспринимается как счастье. В каком-то смысле к этому надо иметь талант – талант стать и оставаться человеком вне времени и пространства. Обычно бродяги не умирают – они просто исчезают навсегда, оставляя после себя только одно: невероятное желание идущей следом за ними молодости попробовать повторить и испытать нечто подобное...

Пока мы едины

«Пока народ един...» – как никогда насущно звучат эти слова чилийского поэта Серхио Ортеги для самоопределяющейся современной России, и в итоге статьи мы обязательно вернёмся к их продолжению.

А пока порассуждаем...

Мне всегда нравилось жить по распорядку. Кому как, а мне это давало чувство уравновешенности и прибавляло немало сил для многих творческих начинаний. Может потому, что мои отец и дед были из военных, в нашем доме всегда было чисто и аккуратно, и при этом существовал свой размеренный образ жизни. Мама и бабушка это любили. Нравилось оно и мне, поскольку вносило в наше существование ясность, миролюбие и необходимую для всякой семьи ритмичность. Нет, не подумайте, это не было зажатым режимным существованием – свобода, безусловно, присутствовала, но мягкая и удобная всем.

Вчера, когда садился ужинать в положенные 19:00, мне вспомнилось то время детства, когда я бывал в пионерских лагерях. Откровенно говоря, отдыхать в лагере мне не особо нравилось, но я знал немало ребят, которые очень любили проводить все летние каникулы именно там. Я же любил тишину и стремился бывать на отдыхе с родителями. Тем не менее, попав в лагерь, я получал удивительный заряд фантазии для творчества, и это исходило именно от общения со своими сверстниками. В то самое время, когда я пишу эти строки – сразу после ужина – в пионерском лагере проходила линейка, закрывающая день, а далее следовали вечерний фильм или танцы, любимые многими. Так получилось, что нынешние дети не знают, что такое пионерские лагеря, и в этом я не вижу ничего для них хорошего. Сегодняшний ребёнок изолирован от сверстников, что на порядок снижает в нем качество необходимых для творчества навыков. Он как бы втиснут в рамки заведомо известных задач, вложенных в телефон, компьютер или иной гаджет. Не стоит думать, что такие игры развивают человека. А если и развивают, то лишь навык пользования гаджетом. Настоящее развитие происходит тогда, когда в арсенале детей нет почти ничего. Можете не волноваться, все остальное заменит им их же собственная фантазия, в чём я абсолютно уверен. Именно на этих принципах не один год существует моя школа «Доброделание», показавшая замечательные педагогические результаты.

И всё-таки мне бы хотелось напомнить, что время летних лагерей вырастило огромное число порядочных людей. Трудно пока сказать, к чему приведут нынешние блоггерство или экстрим, хотя предположить можно уже сейчас.

Главное, что отличает нынешние подходы общества к детям, так это запредельное пестование в ребёнке его эго, поиск ключа к успеху и известности, формирование ярого индивидуализма, что находится в стойком противоречии по отношению к социальному коллективизму второй половины двадцатого столетия. Как ни старается нынешняя власть, а собрать подрастающее поколение в единую волну не получается. Никакие «территории смыслов» и «сколковы» не работают, а виной всему – персональные компьютер и телефон. Нет, я не против подобных помощников, но пока они скорее в роли хозяина, если говорить о наших с вами детях. Время покажет, а пока растёт поколение с ярко выраженными социальным безразличием и пониженной эмпативностью, а значит, наступают времена регресса и упадничества, в которых все решают только деньги. Формируется иное понятие о том, что есть добро, порождается не нравственной императивностью, а наличием достатка у жертвователей и благотворительными телеакциями, что по сути является насмешкой, а то и плевок в сторону любви. Видимо, всем нам придётся прожить это тяжёлое и всю наступающее время реакции и гуманистической безысходности, пока кто-то или что-то новое изрядно не встряхнёт человечество

и не вернёт его в сторону любви. Может, этим новым и станет пандемия, если, конечно, лидеры государств в очередной раз не заиграются в такой любимый ими популизм и псевдоэффектное трюкачество, что пока и происходит.

Вернемся к цитате, первая часть которой прозвучала в начале статьи: *jamás sera vencido* – он непобедим. Да, если народ един – его не победить! И это самое единство начинается не только с картинок в букваре нашего ребёнка, но прежде всего с хороших и верных товарищей, которые появляются в их компаниях и компашках, но никогда не появятся, если они хоть раз не выйдут, а теперь уже не выползут, не вылезут, не выкарабкаются из социальных сетей, дыбы встретиться и хотя бы один раз по-настоящему обняться пусть даже с одним из тех, кого называли своими друзьями, и с которыми активно переписывались на протяжении нескольких лет в режиме онлайн.

Вход через выход

Мне приходилось встречать поэтов, которые пишут замечательные стихи, но в обыденных делах оказываются людьми сомнительными и мутными. Признаюсь, долгое время мне казалось, что человек, тонко чувствующий и так же тонко пишущий, не может иметь особо выраженные душевные и нравственные пороки, но я ошибался. И все-таки что-то не складывалось в моих наблюдениях и рассуждениях: либо я слишком возвеличивал поэтическое искусство, либо излишне превысил требовательность к тем, кто создает столь прекрасную лирику. Самым трудным оказалось «отвязать» пишущего от написанного им, предоставить автору жить и страдать самостоятельно, а его стихи воспринимать как нечто прекрасное и отстранённое. Не сразу, но вскоре это стало у меня получаться. Постепенно я почти научился не соединять воедино автора и то, что им создано. Не могу сказать, что тем самым утешился или получил какое-либо внятное вразумление, но это получилось.

Недавно я посетил Мураново и там, любуясь тютчевскими покоями, ясно и окончательно осознал: не может поэт, если он, конечно, настоящий, быть отсоединён от того, что им создаётся. Всё, написанное истинными поэтами, есть не что иное, как продолжение их бессмертной души, именно с этим и будут говорить грядущие поколения, а потому настоящего поэта легко вычислить: он такой же, как и его стихи. И если кто-то научился писать лучше, чем он есть на самом деле и не позаботился подтянуть себя до уровня написанного им, то ему нечего делать в поэзии. Поэзия не игра и не фарс, не фантазия и не иллюзия, поэзия не выносит лжи, и прежде всего исходящей от тех, кто её создаёт. Всякое лицедейство, кривляние и словесная демонстративность отравляют души читателей и слушателей – души всех, кто восторгается этой завуалированной под мастерство тяп-ляпостью.

Не совсем пустые хлопоты

С принцами я не общался, но с аристократами, равно как и с буржуа, приходилось. Удивительно, но среди представителей советской интеллигенции имелись и те, и другие. Обойдусь без упоминания имён, но я давно понял, что аристократизм с его идеей власти лучших есть естественный способ спасти собственную душу для тех, кто связан с большими деньгами и не имеет никаких сил наконец-то от них отделаться. Если обладатель значительных средств не переходит в стадию аристократизма, то он навсегда увязает в болоте буржуазности с его финальной стадией распада – олигархией – со всеми её пороками, мотовством и погоней за наживой. Борьба за сохранение собственной души толкает сверх богатых людей к известной аристократичной сдержанности и воспитанности, к образованности и религиозности в отличие от оголтелой распущенности буржуазии. Вынужденный нарциссизм ставится аристократами в противовес наёмному гедонизму, а подчёркнутый аскетизм вытесняет навязываемое толстосумам эпикурейство. Именно аристократии свойственны и дозволяемая сословием жертвенность, и сентиментальность, и участие по отношению к нуждающимся, впрочем, как и необъяснимая при всем этом скромность.

Что по мне, то я объясняю все это не более чем усталостью от постоянного финансового отравления. К деньгам, если они есть и их много, невозможно относиться безразлично. Они требуют вашего внимания, и их необходимо либо тратить, либо приумножать, либо просто прятать, испытывая удовольствие от ощущения собственных потенциальных возможностей. Что бы там ни было, но все три способа договориться с деньгами выполняют их волю, а не вашу. При больших деньгах вашей воли просто не существует, равно как и вашего ума. Собственно, это и есть начало очень скорого конца, и в этом случае именно аристократизм – пусть и временное, но спасение.

Разумная эквилибристика

Мне всегда было интересно, что означают такие понятия, как плохое стихотворение, плохая картина или плохая музыка. Нередко то, что мне не нравилось, находило своего слушателя, зрителя и читателя, и то, что было плохим с моей точки зрения, становилось хорошим в понимании тех, кому оно действительно приходилось по душе. Бесспорно, в искусстве существуют определённые критерии, выработанные веками: так называемые общепринятые эталоны гармонии, которые канонизируют творческую свободу в рамках красоты, но есть и поисковые, экспериментальные работы, которые на первый взгляд могут показаться абсолютно ошибочными.

Так есть ли плохое искусство? Если рассматривать произведения только с позиции мастерства, тогда почти всё детское творчество будет выглядеть плохим, хотя ребёнок вкладывает в создаваемое им всё, чем владеет на данный момент, всю свою душу. Помню, как я гордился картиной, выжженной мною на фанере ещё в третьем классе. Позже работа заткнула щель в дачной мастерской и не вызвала никакого интереса. Но это – детское, а есть ли нечто подобное в творчестве взрослых? Как определить те стихи, музыку, картины, фотографии или фильмы, которыми можно безо всякого сожаления «заткнуть» щель в стене социального пространства? И таковые есть! Это те, что созданы на потребу рыночной конъюнктуры. Их лепят и выставляют на обозрение, минуя при этом естественные нормы и условия, перечёркивая нравственные понятия, и они пролезают в свет вопреки голосу совести на потребу неискушённому потребителю. Такое искусство было, есть и будет! Более того, оно необходимо, поскольку является связующим звеном между высшим и низшим.

И все же критерий плохого существует, и таковым вполне можно назвать отсутствие необходимой честности в замысле и его воплощении, но это определяется лишь самим автором. В таком случае всякий духовно неокрепший талант и порождает то самое плохое искусство на потребу таким же его потребителям. При этом важно понимать, что именно плохое искусство составляет основу для всего хорошего, являясь естественным этапом культурной эволюции. Всякие неопытность и неумелость, кич или безвкусица, нередко вызывающие чуть ли не агрессию у эстетствующей прослойки общества, являются вполне обоснованной общественной нормой и, если хотите, необходимы для обуздания норова нарциссирующих снобов, что явно идёт им на пользу. В конце концов, это вопрос времени: плохое, накапливаясь, отшлифовывается, утрамбовывается, систематизируется и рано или поздно начинает манифестировать по направлению к хорошему, приобретая в результате столь необходимую для существования всякого искусства социальную удобоваримость.

О сотворении жизни

Откровенно говоря, я не приверженец теории эволюции. Дело не в том, что я верующий, просто по моему разумению вполне достаточно обычного здравого смысла, чтобы понять, что жизнь на земле была создана и создаётся по сей день благой волей и разумом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.